

DOI: 10.22363/2313-0660-2026-26-3-489-499

EDN: FKYATS

Научная статья / Research article

Проблемы вовлечения АСЕАН в евразийский региональный порядок

А.С. Королев

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Российская Федерация
askorolev@hse.ru

Аннотация. Исследованы институциональные и нормативные ограничения, определяющие характер и пределы вовлечения Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) в евразийский региональный порядок. Эмпирическую основу исследования составил анализ основополагающих документов АСЕАН, включая Устав Ассоциации и иные документы, отражающие стратегическое видение объединения. Проанализирован характер институциональных связей АСЕАН с ключевыми евразийскими структурами (Евразийский экономический союз (ЕАЭС), Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), Содружество Независимых Государств (СНГ)) и степень их формализации. Результаты исследования показывают, что ограниченная вовлеченность Ассоциации обусловлена совокупностью четырех структурных факторов. Во-первых, выявлено принципиальное несоответствие моделей незападного регионализма в Юго-Восточной Азии и Евразии: распределенная функциональная архитектура евразийских институтов с разделением компетенций и фокусов на вопросы экономики, политики и безопасности контрастирует с нормативно-диалоговой моделью, ориентированной на консенсус и процедурную консолидацию вокруг АСЕАН как единого центра регионального порядка. Во-вторых, установлено, что стратегическое позиционирование АСЕАН ориентировано преимущественно на Индо-Тихоокеанский регион и политику хеджирования в условиях соперничества крупных держав, тогда как евразийское направление не закреплено в качестве самостоятельного приоритета. В-третьих, подтверждено, что принцип центральности АСЕАН и сохранение процедурной автономии ограничивают перспективы участия в конструкциях, предполагающих альтернативное Ассоциации институциональное ядро. Это обуславливает дистанцирование объединения от таких российских инициатив и концепций, как Большое евразийское партнерство и евразийская архитектура безопасности. В-четвертых, показано, что внутренняя неоднородность государств-членов по ключевым вопросам в сфере безопасности (прежде всего кризис в Мьянме и территориальный конфликт в Южно-Китайском море) и взаимодействия с внешними партнерами затрудняет формирование единой позиции. В совокупности данные факторы определяют фрагментарный характер межрегиональных связей и препятствуют созданию комплексной рамки сотрудничества с евразийскими институтами.

Ключевые слова: Евразия, регионализм, ЕАЭС, ШОС, межрегиональное взаимодействие, Азиатско-Тихоокеанский регион, Индо-Тихоокеанский регион, институциональная архитектура

Сведения о финансировании. Исследование выполнено в рамках гранта РНФ 25-78-10133 «Формирование Евразийского макрорегиона в контексте разнонаправленного влияния глобальных и региональных процессов на внешнеполитические стратегии евразийских государств».

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Королев А.С. Проблемы вовлечения АСЕАН в евразийский региональный порядок // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2026. Т. 26, № 3. С. 489–499. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2026-26-3-489-499>; EDN: FKYATS

© Королев А.С., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

The Challenges of ASEAN's Involvement in the Eurasian Regional Order

Alexander S. Korolev

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation
✉ askorolev@hse.ru

Abstract. This article explores the various constraints, including institutional, normative and other factors, that shape the nature and limits of the Association of South East Asian Nations' (ASEAN) engagement with the Eurasian regional order. The empirical foundation of the study is based on an analysis of ASEAN's core foundational documents, such as the ASEAN Charter and strategic documents reflecting the organization's long-term vision. The findings indicate that ASEAN's limited engagement is driven by a set of four structural factors. First, there is a significant discrepancy between the institutional logics of Southeast Asia and that of Eurasia. The distributed and functionally differentiated architecture of Eurasian institutions, characterized by the separation of economic, political, and security competencies among different organizations, contrasts with ASEAN's normatively driven and dialogue-oriented model, which is centered on consensus-building and procedural consolidation around ASEAN as the singular core of the regional order. Second, ASEAN's strategic positioning is predominantly oriented toward the Indo-Pacific region and a hedging strategy amid major power competition, whereas the Eurasian dimension is not institutionalized as an independent strategic priority in ASEAN's official documents. Third, the principle of ASEAN centrality and preservation of procedural autonomy constrain participation in frameworks that imply an institutional core alternative to ASEAN. This explains the organization's cautious stance toward Russian initiatives such as the Greater Eurasian Partnership and proposals for Eurasian security architecture. Fourth, internal heterogeneity among member states on key security issues, most notably the Myanmar crisis and territorial dispute in the South China Sea, as well as differing approaches to engagement with external partners, complicates the formation of a unified position. Collectively, these factors account for the fragmented nature of interregional linkages and impede the establishment of a comprehensive framework for cooperation with Eurasian institutions.

Key words: Eurasia, regionalism, EAEU, SCO, interregional interaction, Asia-Pacific region, Indo-Pacific region, institutional architecture

Funding sources. This publication is supported by the Russian Science Foundation, grant No. 25-78-10133, "Formation of the Eurasian Macro-region in the Context of the Multidirectional Influence of Global and Regional Processes on the Foreign Policy Strategies of Eurasian States".

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

For citation: Korolev, A. S. (2026). The challenges of ASEAN's involvement in the Eurasian regional order. *Vestnik RUDN. International Relations*, 26(3), 489–499. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2026-26-3-489-499>; EDN: FKYATS

Введение

Современная трансформация международной системы сопровождается усилением роли региональных порядков как ключевых элементов глобальной архитектуры управления. Фрагментация мировой экономики, кризис универсальных институтов и рост конкуренции между крупными державами стимулируют развитие разнообразных форм регионального сотрудничества, которые все чаще выступают не только экономическими проектами, но и механизмами институционального строительства и стратегического позиционирования. В этих условиях регионализм становится централь-

ной категорией анализа процессов макрорегиональной организации пространства и формирования устойчивых режимов взаимодействия государств.

В исследованиях в области международных отношений под регионализмом понимается процесс институционализации сотрудничества государств в определенном географическом пространстве, направленный на создание устойчивых механизмов координации в сфере экономики, политики и безопасности. Он предполагает формирование разделяемых норм, процедур и институтов, обеспечивающих воспроизводство регионального порядка и снижение транзакционных издержек взаимодействия.

Особое место в современной исследовательской повестке занимает феномен незападного регионализма, который рассматривается в качестве моделей регионального строительства, формирующихся вне западноевропейского контекста и не воспроизводящих автоматически институциональную логику Европейского союза как нормативного эталона интеграции (Koldunova, 2026; Агазаде, Дегтерев, Курылев, 2023; Acharya, 2016). Незападный регионализм характеризуется гибкостью институциональных форм, приоритетом суверенитета, опорой на консенсус, а также значимой ролью политического диалога и неформальных механизмов координации (Хонрада, Бокерия, 2023). Ряд исследователей относит незападный регионализм в категорию «нового регионализма», фактически ставя знак равенства между этими понятиями (Söderbaum, 2003; The Regional World Order..., 2019; Wang, 2020).

Кроме того, отличительной чертой незападного, или «нового», регионализма является адаптивность к региональным политическим реалиям и стремление балансировать между интеграцией и сохранением автономии государств-членов. Помимо этого, сущность данного феномена заключается в стремлении стран обеспечить региональную стабильность и экономическое развитие, минимизируя при этом вмешательство внешних (западных) сил и сохраняя политическую автономию, что часто проявляется в форме «мягкого регионализма» или неформальных сетей сотрудничества (Söderbaum, 2003; The Regional World Order..., 2019; Wang, 2020).

В рамках данного исследовательского ракурса особый аналитический интерес представляют Юго-Восточная Азия (ЮВА) и Евразия как крупные макрорегиональные пространства, в которых формируются собственные модели незападного регионализма, институциональные практики, механизмы многостороннего взаимодействия и подходы к организации регионального порядка.

Цель исследования — выявление институциональных и нормативных факторов, ограничивающих встраивание АСЕАН в евразийский региональный порядок. Евразийский региональный порядок понимается нами как сово-

купность институционализированных ((Евразийский экономический союз (ЕАЭС), Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), Содружество Независимых Государств (СНГ)) и неинституционализированных форм (Большое евразийское партнерство, евразийская архитектура безопасности) сотрудничества на постсоветском пространстве и в прилегающем макрорегионе, включающих экономическую интеграцию, координацию в сфере безопасности и многосторонний политический диалог.

Исследование опирается на качественные методы. Эмпирическую базу работы составляют преимущественно документы АСЕАН, включая Устав Ассоциации, документы долгосрочного стратегического планирования АСЕАН (Видение Сообщества АСЕАН до 2045 г., Куала-Лумпурская декларация АСЕАН 2025 г.) и иные материалы, отражающие институциональные приоритеты и внешнеполитическое видение объединения. Анализ данных источников позволяет реконструировать нормы, принципы функционирования и официальные установки, определяющие рамки регионального взаимодействия и внешнего позиционирования АСЕАН.

Кроме того, используются документы Российской Федерации, в частности положения Концепции внешней политики РФ 2023 г. и Сочинской декларации по итогам юбилейного саммита «Россия — АСЕАН», а также официальные выступления и заявления президента Российской Федерации В.В. Путина и министра иностранных дел РФ С.В. Лаврова, содержащие концептуальные ориентиры относительно евразийской интеграции, форматов межрегионального сотрудничества и инициатив в сфере региональной архитектуры безопасности. Их включение позволяет сопоставить институциональные и нормативные рамки взаимодействия с АСЕАН и евразийских объединений и выявить параметры концептуального расхождения двух моделей незападного регионализма.

Дополнительно в исследовании применены результаты социологических опросов, проведенных в странах АСЕАН. Их включение обеспечивает дополнительную эмпирическую

опору для оценки факторов, влияющих на внешнеполитические приоритеты государств Юго-Восточной Азии, и места Евразии в них.

В качестве рабочей гипотезы автор выдвигает утверждение, что ограниченная вовлеченность АСЕАН в евразийский региональный порядок обусловлена не дефицитом внешних возможностей сотрудничества и не отсутствием интереса со стороны отдельных евразийских акторов, а особенностями, базовыми принципами функционирования и приоритетами самой АСЕАН. В их числе:

- 1) несовместимость моделей регионализма в Юго-Восточной Азии и Евразии;
- 2) особенности стратегического позиционирования АСЕАН и ее внешнеполитической идентичности;
- 3) приоритизация центральной роли АСЕАН в отношениях с зарубежными партнерами;
- 4) отсутствие внутреннего единства.

Именно эти четыре структурных фактора выступают в качестве барьера для формирования устойчивых механизмов межрегиональной связанности, снижая возможности для глубокого встраивания АСЕАН в евразийские процессы.

Научная новизна исследования и вклад автора состоят из нескольких элементов.

Во-первых, в работе выявлены и обоснованы структурные факторы, ограничивающие вовлеченность АСЕАН в евразийский региональный порядок.

Во-вторых, автор уточнил суть и характер функционирования двух моделей незападного регионализма — в Евразии и Юго-Восточной Азии.

В-третьих, в отличие от существующих работ, где взаимодействие между регионами анализируется преимущественно на уровне отдельных институтов (например, ЕАЭС — АСЕАН или ШОС — АСЕАН), предложено рассматривать его как результат структурного несовпадения институциональных и нормативных логик региональных порядков. Тем самым статья вносит вклад в концептуально-эмпирическое развитие исследований незападного регионализма и межрегиональных взаимодействий.

Конфликтующие модели регионализма

Первым фундаментальным фактором слабого уровня встраивания АСЕАН в региональные процессы в Евразии являются принципиальные различия в функционировании моделей регионализма в Юго-Восточной Азии и Евразии. Евразийский регионализм в его современной институциональной конфигурации характеризуется многослойной и функционально специализированной архитектурой. В Евразии воспроизводится модель распределенного регионализма, при которой различные измерения регионального взаимодействия институционально оформлены в разных организациях и взаимодополняют друг друга (Курылев и др., 2021). Экономическая интеграция институционально закреплена за ЕАЭС, а вопросы коллективной безопасности входят в компетенцию ОДКБ. Политико-дипломатическое и гуманитарное взаимодействие преимущественно относится к сфере деятельности СНГ. Более широкий многосторонний контур политического диалога и сотрудничества в сфере безопасности продвигается усилиями ШОС. В результате евразийский регионализм не формирует единого институционального центра, задающего универсальные нормы и процедуры для всего макрорегиона. Это принципиально отличает евразийскую модель регионализма от модели в Юго-Восточной Азии, в рамках которой сохраняется единое процедурное, дискурсивное и нормативное пространство, выстраиваемое вокруг АСЕАН (Acharya, 2009b; Stubbs, 2014).

Наиболее институционально плотным элементом евразийского регионализма является экономический контур, продвигаемый ЕАЭС (Никитина, 2025). Интеграционная модель Союза во многом опирается на разветвленную договорно-правовую базу и функционирование постоянно действующих наднациональных органов. Ряд исследователей подчеркивают, что именно правовая институционализация и формализация интеграционных режимов являются ключевым отличием евразийского экономического регионализма от большинства неевропейских моделей (Dragneva, 2017; Vinokurov & Libman, 2022). В этом заключается принци-

пиальное отличие евразийского регионализма от модели экономического регионализма в Юго-Восточной Азии. Отказ от придания большинству экономических договоренностей юридически обязывающего характера и намеренно ограниченный уровень институционализации выступают сознательно выбранным принципом формирования регионального порядка в ЮВА.

В этом контексте ярким примером служит создание Экономического сообщества АСЕАН в 2015 г. Оно не предполагало перехода к общему рынку с унифицированным правовым режимом, сопоставимому с ЕАЭС, а было ориентировано на поэтапную гармонизацию норм, снижение нетарифных барьеров и развитие производственных цепочек (Tijaja, Tay & Das, 2024). В совокупности эти характеристики формируют «мягкую» модель регионализма, в рамках которой внешнеполитическая идентичность Ассоциации определяется не стремлением к институциональной глубине и стратегической мобилизации, а задачей сохранения автономии, инклюзивности и управляемости региональной среды с учетом роста числа внутренних и внешних шоков (Колдунова, 2019).

Контур безопасности в Евразии также отличается от того, что мы наблюдаем в Юго-Восточной Азии. В рамках ОДКБ институционализированы элементы коллективной обороны, совместного военного планирования и координации в сфере реагирования на угрозы. В свою очередь АСЕАН сознательно и последовательно избегает создания механизмов коллективной безопасности и позиционирует себя как внеблоковое объединение, выстраивающее сотрудничество в сфере безопасности преимущественно через диалоговые и консультационные форматы (Goh, 2008). Именно этой установкой объясняется подчеркнуто аккуратная и взвешенная дипломатическая линия АСЕАН в отношении формирующихся сетевых форматов безопасности в Индо-Тихоокеанском регионе — Четырехстороннего диалога по безопасности (КВАД, QUAD), трехстороннего военно-политического блока AUKUS (Австралия, Великобритания и США) и иных механизмов. В принятом в 2019 г. документе «Взгляд АСЕАН на Индо-Тихоокеанский ре-

гион» Ассоциация сознательно избегает поддержки любых эксклюзивных или сдерживающих форматов, акцентируя приоритет открытости, диалога и опоры на существующие механизмы под эгидой самой АСЕАН¹. В результате безопасность в ЮВА институционально конструируется как пространство предотвращения конфликтов и управления рисками, тогда как в евразийской архитектуре она включает и элементы союзнического взаимодействия (Allison, 2013).

В научной литературе эта модель устойчиво описывается через феномен «пути АСЕАН» (*ASEAN Way*), предполагающий приоритет неформальности, гибкости процедур и отказ от жестких механизмов принуждения (Pu, 2025; Caballero-Anthony, 2005). Консенсус внутри Ассоциации является не столько инструментом выработки оптимальных решений, сколько способом сохранения политической целостности объединения и предотвращения институционального раскола. Как показывает А. Ачарья, именно процессуальный характер взаимодействия — регулярные встречи, согласование позиций, многоуровневые консультационные механизмы — стал основой формирования специфического сообщества безопасности в ЮВА, в котором конфликт между членами воспринимается как политически недопустимый сценарий даже при отсутствии развитых правовых ограничителей (Acharya, 2009a).

Особое место в евразийской архитектуре занимает ШОС, которая по своим процедурным характеристикам, степени гибкости и многофункциональности в наибольшей степени сближается с асеановской моделью регионализма. Для ШОС характерны принятие решений на основе консенсуса, отказ от жестких механизмов принуждения и приоритет регулярного политического диалога и учета индивидуальных особенностей стран-членов (Yuan, 2023; Denisov & Safranchuk, 2016). Вместе с тем в отличие от АСЕАН, где ее институциональные механизмы используются странами-

¹ ASEAN Outlook on the Indo-Pacific // ASEAN. URL: https://asean.org/wp-content/uploads/2021/01/ASEAN-Outlook-on-the-Indo-Pacific_FINAL_22062019.pdf (accessed: 26.01.2026).

членами как инструмент внешнеполитического хеджирования и сохранения автономии, в рамках ШОС действует иная институциональная логика. Здесь ключевые параметры и приоритеты сотрудничества в значительной степени задаются ведущими региональными державами, тогда как сама организация выступает прежде всего площадкой для согласования их позиций и координации действий государств-членов в более широком региональном контексте (Lukin et al., 2025; Евразийская идеология и евразийская интеграция, 2025).

Таким образом, если регионализм в ЮВА можно охарактеризовать как нормативно-диалоговый, направленный на укрепление субъектности АСЕАН и подчеркивание уникальности своего пути, то евразийский регионализм представляет собой преимущественно функционально-регуляторную модель.

Идентичность и стратегическое видение

В официальном дискурсе и документах АСЕАН Евразия не фигурирует в качестве самостоятельной аналитической категории и не закрепляется как отдельный макрорегиональный приоритет. Доминирующими рамками внешнеполитического позиционирования Ассоциации традиционно оставался Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР). При этом в последние годы Индо-Тихоокеанский регион (ИТР) все стремительнее становится ключевым измерением внешнеполитической и внешнеэкономической ориентации АСЕАН. В частности, в Куала-Лумпурской декларации «АСЕАН–2045: наше совместное будущее», принятой по итогам малайзийского председательства на Саммите АСЕАН в 2025 г., прямо обозначено, что Ассоциация ставит цель превратиться в «эпицентр роста в ИТР» к 2045 г.²

Показательно, что в разделе с ключевыми вызовами и возможностями в документе «Видение сообщества АСЕАН до 2045 г.» не представлен ни один конфликт или вопрос, имеющий ярко выраженное евразийское измерение.

² ASEAN 2045: Our Shared Future // ASEAN. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/2025/05/ASEAN-2045-Our-Shared-Future.pdf> (accessed: 07.05.2026).

Это означает, что различные экономические процессы, кризисы и иные события в континентальной Евразии в концептуальном и прикладном восприятии АСЕАН носят преимущественно периферийный характер. На первом месте в списке приоритетов Ассоциации находится обеспечение мира, безопасности и стабильности в ИТР, включая Южно-Китайское море³. Далее идет противостояние ключевых центров силы. Однако более детальный анализ этого и иных представленных в работе стратегических документов АСЕАН позволяет сделать вывод, что Ассоциация воспринимает великодержавное соперничество через призму столкновения США и Китайской Народной Республики (КНР), которое носит глобальный характер.

В данном случае ответом и одновременно необходимостью стран — членов АСЕАН становится реализация политики хеджирования (Kuik & Jamil, 2024). На практике она означает укрепление взаимодействия объединения, в первую очередь с ключевыми диалоговыми партнерами, включая ЕС, Японию и др. Характерно, что в социологическом опросе 2026 г., проведенном влиятельным сингапурским аналитическим центром ISEAS на вопрос «Кого Вы выберете в качестве третьей стороны для хеджирования неопределенностей от американо-китайского противостояния?» большинство респондентов из стран ЮВА выбрали именно ЕС (37,7 %), Японию (34,2 %) и Австралию (9,7 %)⁴.

Кроме того, ни одно из государств — членов Ассоциации не имеет комплексной стратегии взаимодействия с Евразией. Контакты со странами постсоветского региона и с евразийскими институтами выстраиваются в основном либо в двустороннем межгосударственном формате, либо в рамках узкоспециализирован-

³ ASEAN Community Vision 2045: “Resilient, Innovative, Dynamic, and People-Centred ASEAN” // ASEAN. URL: https://asean.org/wp-content/uploads/2025/05/05.-ASEAN-Community-Vision-2045_adopted.pdf (accessed: 07.05.2026).

⁴ The State of Southeast Asia 2026 Survey Report // ASEAN Studies Centre at the ISEAS—Yusof Ishak Institute. URL: <https://www.iseas.edu.sg/wp-content/uploads/2026/03/The-State-of-Southeast-Asia-2026-Survey-Final-Single.pdf> (accessed: 10.05.2026).

ных отраслевых треков. Как следствие, отсутствие евразийского элемента во внешне-политической идентичности и стратегическом видении АСЕАН создает препятствие для выстраивания стабильного межрегионального диалога.

Данное ограничение проявляется в относительно слабой институциональной встраиваемости АСЕАН в существующий евразийский региональный порядок. Так, например, Ассоциация не имеет устойчивых каналов взаимодействия с ОДКБ и структурами СНГ. Сотрудничество Ассоциации с ШОС более формализовано (наличие Меморандума о взаимопонимании), но в основном оно носит протокольный характер и сводится к диалогу на уровне секретариатов в формате обмена информацией и лучшими практиками в таких сферах, как цифровизация, борьба с транснациональной преступностью, терроризмом и наркотрафиком⁵.

Единственным активным и институционально развитым форматом вовлечения Ассоциации в процессы евразийского регионализма остается взаимодействие с ЕАЭС. Стороны ведут регулярный диалог по таким направлениям, как торговая политика, техническое регулирование, таможенное администрирование и многие другие (Халова, Иллерицкий, 2020). Ежегодные бизнес-форумы, экспертные диалоги и отраслевые мероприятия по линии ЕАЭС — АСЕАН помогают укреплять связи между деловыми и экспертными сообществами стран обоих объединений, что позволяет поддерживать практическое взаимодействие даже при отсутствии более широкой политико-стратегической рамки (Канаев, Королев, 2020).

Вместе с тем другое важное направление развития внешнеэкономической деятельности ЕАЭС — введение переговоров по созданию зон свободной торговли (ЗСТ) — на практике реализуется в двустороннем формате с участием Евразийской экономической комиссии

(ЕЭК) и отдельных стран — членов АСЕАН без координации и согласования интересов на уровне всей Ассоциации.

Приоритизация центральной роли АСЕАН

Ассоциация последовательно продвигает один из фундаментальных принципов функционирования организации — «центральности», или центральной роли (*ASEAN Centrality*). Этот принцип закреплён в ряде основополагающих документов АСЕАН — Уставе 2007 г.⁶, «Видении Сообщества АСЕАН до 2025 г.»⁷, обновленном документе до 2045 г.⁸ и более комплексном видении развития АСЕАН до 2045 г.⁹ Идея «центральности» АСЕАН предполагает стремление объединения выступать в качестве главного архитектора, модератора и движущей силы во всех многосторонних процессах (безопасность и экономика) в Азиатско-Тихоокеанском и Индо-Тихоокеанском регионах. На практике этот принцип реализуется через сеть асеаноцентричных диалоговых механизмов, таких как Региональный форум АСЕАН по безопасности, Восточноазиатский саммит и Совещание министров обороны в формате «АСЕАН плюс».

Как подчеркивает Р. Стаббс, «центральность» АСЕАН определяется не совокупной материальной мощностью объединения, а его ролью в формировании и поддержании процедур, повестки и форматов многостороннего взаимодействия (Stubbs, 2014). Иными словами, Ассоциация выполняет функцию институционального ядра и процедурного координатора

⁶ The ASEAN Charter // ASEAN. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/images/archive/publications/ASEAN-Charter.pdf> (accessed: 20.01.2026).

⁷ ASEAN Community Vision 2025 // ASEAN. URL: <https://www.asean.org/wp-content/uploads/images/2015/November/aec-page/ASEAN-Community-Vision-2025.pdf> (accessed: 07.05.2026).

⁸ ASEAN Community Vision 2045: “Resilient, Innovative, Dynamic, and People-Centred ASEAN” // ASEAN. URL: https://asean.org/wp-content/uploads/2025/05/05.-ASEAN-Community-Vision-2045_adopted.pdf (accessed: 07.05.2026).

⁹ ASEAN 2045: Our Shared Future // ASEAN. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/2025/05/ASEAN-2045-Our-Shared-Future.pdf> (accessed: 07.05.2026).

⁵ ШОС и АСЕАН укрепляют связи // Шанхайская организация сотрудничества. 23.05.2025. URL: <https://rus.sectsco.org/20250523/1827784.html> (дата обращения: 26.01.2026).

натора взаимодействия внешних акторов, что позволяет государствам блока сохранять субъектность и релевантность в условиях различных кризисов и соперничества крупных держав.

Приоритизация центральной роли и «пути АСЕАН» проявляется не только в дистанцировании Ассоциации от военно-политических блоков и политизированных форматов, но и продвигаемых усилиями России проектов «нового регионализма» в Евразии. Особое место в этой дискуссии занимает российская инициатива Большого евразийского партнерства (БЕП), выдвинутая в середине 2010-х гг. Ее концептуальный замысел предполагает формирование широкой рамки взаимодействия между ЕАЭС, ШОС, АСЕАН и другими региональными форматами (Лукин, Новиков, 2019). При этом Россия рассматривает АСЕАН в качестве одного из ведущих элементов БЕП, что находит отражение в российских стратегических документах внешнеполитического планирования¹⁰ и заявлениях официальных лиц РФ¹¹. Кроме того, еще в 2016 г. в Сочинской декларации по итогам юбилейного саммита «Россия — АСЕАН» было зафиксировано намерение сторон «рассмотреть вопрос о возможности взаимовыгодного сотрудничества между АСЕАН, ЕАЭС и ШОС»¹², что идейно вписывается в концепцию БЕП.

¹⁰ Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 31 марта 2023 г.) // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (дата обращения: 10.05.2026).

¹¹ См.: Пленарное заседание Петербургского международного экономического форума // Президент России. 17.06.2022. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/68669> (дата обращения: 06.05.2026); Выступление и ответы на вопросы Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова по итогам совещания Россия — АСЕАН и министерской встречи стран — участниц Восточно-азиатского саммита, Куала-Лумпур, 11 июля 2025 года // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/evraziyskaya_bezopasnost/2035949/ (дата обращения: 11.05.2026).

¹² Сочинская декларация юбилейного саммита Россия — АСЕАН в связи с 20-летием установления диалогового партнерства между Российской Федерацией и АСЕАН «На пути к взаимовыгодному стратегическому партнерству» // Министерство иностранных дел Россий-

ской Федерации. URL: <https://asean.mid.ru/upload/iblock/7fa/zzviyy3klb33wxzqo0qdog58lh2uhqvi.pdf> (дата обращения: 08.05.2026).

Несмотря на декларативную инклюзивность, БЕП не предлагает понятных механизмов участия для государств Юго-Восточной Азии. Для АСЕАН неочевидно, какую добавленную стоимость может обеспечить включение в подобную макрорегиональную конструкцию по сравнению с существующими форматами азиатско-тихоокеанского и индо-тихоокеанского регионализма и какую именно роль в этих процессах будет играть АСЕАН.

Еще более проблематичным является вопрос потенциальной поддержки со стороны АСЕАН выдвигаемой Россией идеи формирования евразийской архитектуры безопасности, которая опирается на представление о необходимости переосмысления принципов общеевропейской и — шире — евразийской безопасности. Однако в логике АСЕАН вопросы безопасности традиционно рассматриваются через призму инклюзивного диалога с участием всех ключевых внешних игроков и при безусловном сохранении центральной роли Ассоциации (Qiao-Franco, Karmazin & Kolmaš, 2025). Встраивание АСЕАН в евразийские инициативы, где институциональный центр смещается в сторону континентальных держав и институтов вне ЮВА, грозит размыванием центральной роли Ассоциации в этих процессах.

Отсутствие единства внутри АСЕАН

Дополнительным структурным фактором, ограничивающим вовлеченность Ассоциации в евразийский региональный порядок, выступает отсутствие единства внутри самой организации. Несмотря на то, что номинально АСЕАН позиционирует себя как единое сообщество с общей идентичностью и видением, что закреплено в Уставе АСЕАН и иных документах объединения, организация сталкивается с серьезными трудностями в выработке согласованной позиции по ключевым вопросам регионального развития и безопасности.

ской Федерации. URL: <https://asean.mid.ru/upload/iblock/7fa/zzviyy3klb33wxzqo0qdog58lh2uhqvi.pdf> (дата обращения: 08.05.2026).

Эти проблемы проявляются как во внутри-асеановской повестке (прежде всего кризис в Мьянме, осложняющий реализацию принципа невмешательства и механизмов коллективного реагирования), так и в более широкой региональной рамке, включая проблему Южно-Китайского моря — одного из наиболее чувствительных вопросов для нескольких государств-членов, а также институционализацию Индо-Тихоокеанского региона¹³. В последнем случае различия между странами становятся все более заметными. Так, Индонезия¹⁴ и Малайзия¹⁵ демонстрируют настороженность по поводу формата QUAD и особенно AUKUS, тогда как Вьетнам активно участвует в расширенных консультационных форматах, например QUAD Plus (Thuong & Oanh, 2021), а Филиппины открыто поддерживают углубление сотрудничества с этими структурами с целью укрепления региональной безопасности и сдерживания Китая в Южно-Китайском море¹⁶. Подобная асимметрия стратегических предпочтений препятствует формированию единой внешнеполитической линии поведения АСЕАН в отношении внерегиональных инициатив. В итоге в условиях отсутствия консенсуса по ряду чувствительных для Ассоциации вопросов выработка согласованной стратегии

в отношении внешних акторов и форматов в Евразии, которые не воспринимаются государствами — членами АСЕАН как экзистенциальные для их национальной безопасности, становится затруднительной.

Заключение

Проведенный анализ показал, что ограниченная институциональная и нормативная вовлеченность АСЕАН в евразийский региональный порядок обусловлена не отдельными эпизодическими факторами, а совокупностью структурных факторов. Евразийская модель характеризуется функциональной дифференциацией и распределенностью институтов, тогда как модель регионализма в ЮВА опирается на нормативно-диалоговую логику, процедурную консолидацию и принцип центральности Ассоциации. Эти различия формируют несопоставимые институциональные «режимы входа» в межрегиональное взаимодействие и ограничивают возможности для системного диалога.

Исследование также подтвердило, что внешнеполитическая идентичность АСЕАН в большей степени ориентирована на Индо-Тихоокеанский регион и политику хеджирования в условиях американо-китайского соперничества, тогда как евразийское направление носит периферийный для АСЕАН характер и не закреплено ни в одном из стратегических документов Ассоциации как самостоятельный приоритет. В результате контакты с евразийскими структурами носят преимущественно фрагментарный и проектный характер, зачастую выстраиваясь на уровне отдельных государств — членов АСЕАН без согласования интересов и координации внутри объединения. При этом углубление диалога с институтами и форматами в Евразии ограничивается отсутствием комплексной рамки взаимодействия и устойчивого политического запроса со стороны государств — членов АСЕАН.

Дополнительным ограничением выступает внутренняя неоднородность АСЕАН, затрудняющая формирование единой пози-

¹³ Buendia R. The ASEAN Way Under Pressure in Response to a Fractured World Order // E-International Relations. 2026. URL: <https://www.e-ir.info/2026/05/08/the-asean-way-under-pressure-in-response-to-a-fractured-world-order/> (accessed: 11.05.2026).

¹⁴ Hurst D. Indonesian Ambassador Warns Australia Aukus Pact Must Not Fuel a Hypersonic Arms Race // The Guardian. November 2, 2022. URL: <https://www.theguardian.com/australia-news/2022/nov/03/indonesian-ambassador-warns-australia-aukus-pact-must-not-fuel-a-hypersonic-arms-race-in-the-region> (accessed: 08.05.2026).

¹⁵ Murphy K. Malaysian Foreign Minister Says Concerns Remain about Aukus Pact after Meeting with Penny Wong // The Guardian. June 28, 2022. URL: <https://www.theguardian.com/world/2022/jun/28/malaysian-foreign-minister-says-concerns-remain-about-aukus-pact-after-meeting-with-penny-wong> (accessed: 08.05.2026).

¹⁶ Joint Declaration on a Strategic Partnership between the Republic of the Philippines and the Commonwealth of Australia // Australian Government. September 8, 2023. URL: <https://www.dfat.gov.au/countries/joint-declaration-strategic-partnership-between-republic-philippines-and-commonwealth-australia> (accessed: 12.05.2026).

ции по ключевым вопросам региональной безопасности и взаимодействия с внешними инициативами. Совокупность этих факторов указывает на то, что расширение сотрудничества между АСЕАН и евразийскими институ-

тами требует не только технической согласованности инструментов, но и более четкого понимания взаимной институциональной совместимости и политической добавленной стоимости.

Поступила в редакцию / Received: 15.02.2026

Доработана после рецензирования / Revised: 13.05.2026

Принята к публикации / Accepted: 23.06.2026

Список литературы

- Агазаде М. М., Дегтерев Д. А., Курылев К. П. Постсоветский регионализм на перепутье // Постсоветские исследования. 2023. Т. 6, № 3. С. 341–351. EDN: APEBGU
- Евразийская идеология и евразийская интеграция / под ред. К. П. Курылева. Москва : Аспект Пресс, 2025. EDN: GIPJB
- Канаев Е. А., Королёв А. С. ЕАЭС и АСЕАН: результаты и перспективы сотрудничества // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64, № 1. С. 64–72. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-1-64-72>; EDN: SPLPMR
- Колдунова Е. В. Региональные трансформации Юго-Восточной Азии и проблема справедливого регионального (и мирового) порядка // Сравнительная политика. 2019. Т. 10, № 4. С. 52–64. EDN: OCAWYB
- Курылев К. П., Малышев Д. В., Хотивришвили А. А., Шабловский В. С. ШОС и ЕАЭС в контексте евразийской интеграции // Мировая экономика и международные отношения. 2021. Т. 65, № 2. С. 81–88. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2021-65-2-81-88>; EDN: VSHNAU
- Лукин А. В., Новиков Д. П. Большая Евразия: от полюса конфронтации к сообществу развития // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2019. № 6. С. 173–188. <https://doi.org/10.31857/S086919080007702-9>; EDN: XNJDGE
- Никитина М. Г. Евразийский регионализм: идея и реальность // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Экономика и управление. 2025. Т. 11, № 2. С. 151–157. EDN: KOTKEY
- Халова Г. О., Иллерицкий Н. И. Партнерство ЕАЭС—АСЕАН как перспективный вектор развития межинтеграционного взаимодействия в Евразии и АТР // Вестник РГГУ. Серия: Экономика. Управление. Право. 2020. № 4. С. 103–111. EDN: JYSFJW
- Хонрада Г. Д., Бокерия С. А. Концепции «Шанхайского духа» и «Пути АСЕАН» как основа нового регионализма // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2023. Т. 23, № 2. С. 253–264. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-2-253-264>; EDN: JKVFSZ
- Acharya A. Constructing a Security Community in Southeast Asia : ASEAN and the Problem of Regional Order. London : Routledge, 2009a. <https://doi.org/10.4324/9780203939239>
- Acharya A. Regionalism beyond EU-centrism // The Oxford Handbook of Comparative Regionalism / ed. by T. A. Börzel, T. Risse. Oxford : Oxford University Press, 2016. P. 109–130. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199682300.013.7>
- Acharya A. Whose Ideas Matter? Agency and Power in Asian Regionalism. Ithaca, NY : Cornell University Press, 2009b. <https://doi.org/10.7591/9780801459757>
- Allison R. Russia, the West, and Military Intervention. Oxford : Oxford University Press, 2013. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199590636.001.0001>
- Caballero-Anthony M. Regional Security in Southeast Asia : Beyond the ASEAN Way. Singapore : Institute of Southeast Asian Studies, 2005. <https://doi.org/10.1355/9789812307095>
- Denisov I. E., Safranchuk I. A. Four Problems of the SCO in Connection with Its Enlargement // Russian Politics and Law. 2016. Vol. 54, iss. 5–6. P. 494–515. <https://doi.org/10.1080/10611940.2016.1296304>; EDN: YVFBML
- Dragneva R. The Eurasian Economic Union: Balancing Sovereignty and Integration // Post-Soviet Constitutions and Challenges of Regional Integration / ed. by R. Petrov, P. Van Elsuwege. London : Routledge, 2017. P. 48–70. <https://doi.org/10.4324/9781315656847>; EDN: RJLEDB
- Goh E. Great Powers and Hierarchical Order in Southeast Asia: Analyzing Regional Security Strategies // International Security. 2008. Vol. 32, iss. 3. P. 113–157. <https://doi.org/10.1162/isec.2008.32.3.113>

- Koldunova E.* Essay 50: Towards Non-Western Regionalism : What Does the Regional Level of Analysis Explain About Contemporary IR? // *Essays on Global Regionalism I: The Past, Present and Future of Regionalism Studies* / ed. by A. Acharya, P. De Lombaerde, B. Futák-Campbell, L.C. Iroulo, J. Peixoto Batista. Cham, Switzerland : Springer, 2026. P. 509–515. https://doi.org/10.1007/978-3-032-13642-8_50
- Kuik Ch. Ch., Jamil N. Sh.* The Feasibility and Future of Middle-State Hedging // *East Asian Policy*. 2024. Vol. 16, no. 4. P. 7–28. <https://doi.org/10.1142/S1793930524000254>; EDN: FGRPPV
- Lukin A., Novikov D., Puzanova O., Yenikayeff Sh.* The Shanghai Cooperation Organization Amidst the Rising International Tensions // *Journal of Eurasian Studies*. 2025. Vol. 16, iss. 2. P. 173–183. <https://doi.org/10.1177/18793665251357320>; EDN: VNTVSU
- Pu X.* Research on the ASEAN Way and ASEAN Integration // *Academic Journal of Management and Social Sciences*. 2025. Vol. 11, no. 2. P. 155–158. <https://doi.org/10.54097/677hq953>; EDN: DHPMNN
- Qiao-Franco G., Karmazin A., Kolmaš M.* The Indo-Pacific and the Next Phase of ASEAN Centrality // *Journal of Current Southeast Asian Affairs*. 2025. Vol. 44, iss. 3. P. 413–435. <https://doi.org/10.1177/18681034241307658>
- Söderbaum F.* Introduction: Theories of New Regionalism // *Theories of New Regionalism* / ed. by F. Söderbaum, T. Shaw. London : Palgrave Macmillan, 2003. P. 1–21. https://doi.org/10.1057/9781403938794_1
- Stubbs R.* ASEAN's Leadership in East Asian Region-Building: Strength in Weakness // *The Pacific Review*. 2014. Vol. 27, iss. 4. P. 523–541. <https://doi.org/10.1080/09512748.2014.924229>
- The Regional World Order : Transregionalism, Regional Integration, and Regional Projects across Europe and Asia* / ed. by A. D. Voskressenski, B. Koller. Lanham ; Boulder ; New York ; London : Rowman & Littlefield ; Lexington Books, 2019. <https://doi.org/10.5040/9781978735545>
- Thuong N. L. T., Oanh N. T.* Vietnam in the Indo-Pacific Region: Perception, Position and Perspectives // *India Quarterly: A Journal of International Affairs*. 2021. Vol. 77, iss. 2. P. 129–142. <https://doi.org/10.1177/09749284211005036>
- Tijaja J., Tay S., Das S. B.* ASEAN Post-2025: Reimagining the ASEAN Economic Community. Singapore : ISEAS—Yusof Ishak Institute, 2024. <https://doi.org/10.1355/9789815203400>
- Vinokurov E., Libman A.* Regionalism in Eurasia: Four Research Puzzles // *Handbook on Global Governance and Regionalism* / ed. by J. Rueland, A. Carrapatoso. Cheltenham : Edward Elgar Publishing, 2022. P. 248–262. <https://doi.org/10.4337/9781800377561.00028>
- Wang Y.* New Regionalism Reshaping the Future of Globalization // *China Quarterly of International Strategic Studies*. 2020. Vol. 6, no. 2. P. 249–265. <https://doi.org/10.1142/S2377740020500116>; EDN: SYZAGX
- Yuan J.* Forging a New Security Order in Eurasia: China, the SCO, and the Impacts on Regional Governance // *Chinese Political Science Review*. 2023. Vol. 8, iss. 3. P. 422–439. <https://doi.org/10.1007/s41111-022-00223-7>; EDN: IFKFVE

Сведения об авторе:

Королев Александр Сергеевич — кандидат политических наук, заместитель декана по науке, доцент департамента международных отношений факультета мировой экономики и международных отношений, НИУ ВШЭ, участник реализуемого на базе МГИМО МИД России проекта РНФ № 25-78-10133; Российская Федерация, 119017, г. Москва, ул. Малая Ордынка, д. 17; eLibrary SPIN-код: 7467-6214; ORCID: 0000-0001-8560-9517; email: askorolev@hse.ru